DOI: 10.17117/na.2015.07.1365

Поступило в редакцию: 23.07.2015

<http://ucom.ru/doc/na.2015.07.1365.pdf>

Гиголаева А.Т.

Заимствованная устаревшая лексика как репрезентант языковой личности (на материале исторического нарратива В.П. Авенариуса)

Gigolaeva A.T.

The borrowed outdated lexicon as a representant of the language personality (on material of a historical narrative of V.P. Avenarius)

Рассматриваются заимствованная устаревшая лексика в роли репрезентанта языковой личности автора и персонажей исторического нарратива. В центре внимания историко-стилистическая дистрибуция заимствованных историзмов и их роль в вербально-семантической репрезентации языковой личности персонажа

Ключевые слова: языковая личность, заимствованная лексика, слова-историзмы

Are considered the borrowed outdated lexicon as a representant of the language identity of the author and characters of a historical narrative. In the center of attention historical and stylistic distribution of the borrowed historicism and their role in verbal and semantic representation of the language identity of the character

Key words: language personality, the borrowed lexicon, words-historicism

Гиголаева Анна Темуриевна

Соискатель

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
г. Белгород, ул. Студенческая, 14

Gigolaeva Anna Temurievna

Competitor

Belgorod state national research university
Belgorod, Studencheskaya st., 14

Введение. Языковая личность как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, целевой направленностью» [6, с. 38] – не только хранитель, но и интерпретатор знаний о прошлом и настоящем народа, его культуре и языке [12, 2006].

Объектом предпринятого нами исследования является повесть В.П. Авенариуса «Два регента»; предметом – заимствованная устаревшая лексика как «диагностирующий репрезентант» языковой личности автора и персонажей исторической повести. Хотя устаревшая лексика изучена достаточно хорошо [4, 1967; 11, 1972], исследование устаревших заимствований в роли репрезентанта [14, 1988] языковой личности представляется нам весьма актуальным. Под устаревшими заимствованиями понимаются слова, которые на определенном этапе межкультурной коммуникации перешли из одного языка в другой, а затем по разным причинам устарели и вышли из повседневного упо-

требления. Вместе с тем, они служат важным средством создания художественного исторического нарратива [7, с. 143]. При выборке устаревшей заимствованной лексики мы руководствовались двумя критериями: в толковых словарях такие слова должны иметь (а) стилистические пометы "устар." и "стар." или специальные графические маркеры, а (б) обозначаемые ими реалии, описываемые в словарной статье, быть исторически значимыми. Как известно, среди устаревших слов различают историзмы и архаизмы.

Заимствованные историзмы и их историко-стилистическая дистрибуция. Обретение заимствованным словом статуса устаревшего в историческом нарративе связано с тем, что оно, исчезнув из живой речи, не устаревает функционально как средство стилизации воссоздаваемой эпохи.

Разряд историзмов, выходящих из каждодневного употребления, в анализируемой повести распределяется по нескольким тематическим группам, соотносимым с наиболее актуальными сферами быденной жизни того времени. Это слова, обозначающие денежные знаки, ремесла и виды занятий, экономические отношения, политические и религиозные понятия/явления, социальные отношения и социальное положение человека, развлечения и явления культурной жизни, предметы быта, средства передвижения, воинское снаряжение. В анализируемом тексте В.П. Авенариуса указанные тематические группы заимствованных историзмов представлены следующим образом:

– денежные знаки типа червонец (польск. *czterwony*) – 'золотая монета (достоинством в разное время в 3,5 или 10 руб.)': «–...Не возьмете ли вы, граф, червонец?» (Авенариус В.П., с.260).

Червонцы появились в результате монетной реформы, проведенной Петром I, новой денежной системы в России. Первые червонцы были выпущены в 1701 в количестве 118 экземпляров. Отметим интересный исторический факт, касающийся анализируемого примера и одного из героев исследуемой исторической повести: червонец 1706 года, известный в золоте в единственном экземпляре, хранился в коллекции Бирона, позже из коллекции он попал в музей города Вена; рейхсталер (нем., от *Reich* – государство, и *Thaler* – талер) – 'прежняя серебряная монета в немецких и скандинавских странах, разной стоимости' «...накопилось еще долгов на мне вместе с товарищем за два с половиной года пребывания в Марбурге ни много ни мало до двух тысяч рейхсталеров» (Авенариус В.П., с. 322);

– политические и религиозные понятия/явления, например, иноязычная лексема регент (латин. *regens* – 'правитель государства, временно осуществляющий верховную власть вместо монарха'): «Регент же, герцог Бирон, еще накануне заявил, что сам он не покинет летнего дворца, доколе тело незабвенной монархини находится еще там и не предано земле» (Авенариус В.П., с. 207). В произведении «Два регента» образ Бирона является одной из ключевых, о чем свидетельствует название исторической повести. Верховный Тайный совет, предлагая в 1730 герцогине Анне Иоанновне русскую императорскую корону, в числе своих «кондиций» поставил и условие не привозить в Россию Бирона, а оставить его в Митаве. Бирон вначале остался; но вслед за императрицей, к общему неудовольствию, появился в Москве, более того, он стал фавори-

том императрицы. Из всех известных временщиков едва ли кто был так самовластен, как Бирон. Императрица с удивительным самоотвержением исполняла все его прихоти, жаловала, кого он жаловал, преследовала, кого не любил он, и нередко, обливаясь слезами, подписывала смертные приговоры людям невинным, в угождение Бирону;

– социальные отношения и социальное положение человека:

– камердинер (из нем. Kammerdiener) – ‘слуга при господине в богатом дворянском доме’. Традиционно, камердинер делал больше, чем просто прислуживал. Он также был ответственным за организацию поездок, ведал финансовыми вопросами, которые касались хозяина или его дома. Ср.: «На пороге вырос саженный камердинер-курляндец» (Авенариус В.П., с. 209);

– фрейлина – ‘в некоторых монархических государствах: звание состоящей при императрице (царице, королеве, принцессе) придворной дамы [девушки аристократического происхождения]; лицо, имеющее это звание’. Согласно Табели о рангах, это звание следовало по старшинству за званиями статс-дама и камер-фрейлина. Начало присваиваться с 1744 года. Звание давалось незамужним женщинам. «– Да кто надоумит принцессу?.. – проговорила она в раздумье. – Она слушает только фрейлину Юлиану» (Авенариус В.П., с. 225);

– предметы быта:

– шандал (тат. sandal) – ‘большой подсвечник’. В старину в русском языке это слово употреблялось в формах шандал, шандам и шандан (что указывает на прямое заимствование из тюркских языков). В старорусских письменных текстах отмечена и уменьшительная форма от слова шандал – шандалец, то есть «небольшой, маленький или низкий подсвечник». В русском языке XIX века слово шандал обозначало массивный, тяжелый подсвечник, который обычно отливался из меди, чугуна и других металлов, и сплавов: «...из богатого шитья она дала золотых дел мастеру выжечь все золото и из этого золота сделать для нее четыре шандала...» (Авенариус В.П., с. 250).

Названные разряды заимствованных историзмов в анализируемой повести В.П. Авенариуса выполняют важные идиостилевые функции. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать дискурсивную дистрибуцию уже забытого словесного знака (галиота) и ещё сохранившейся в нашем языковом сознании [8, с. 34] народно-разговорной лексемы (кафтан):

– галиота (из голл. galjoot или франц. galiote) – ‘небольшая легкая галера, применявшаяся в Средиземном море’. Первый российский галиот был построен в 1581 году в Новых Холмогорах (вероятно, галиот в изначальном смысле слова – гребной). В XVIII веке галиоты находились в составе Балтийского флота, Черноморской, Каспийской, Азовской и Сибирской флотилий. Последний российский галиот погиб в 1915 году. Слово галиота впервые появилось на русскоязычной почве в 1651 году. В анализируемом тексте данная лексема используется для репрезентации в повести языковой личности М.В. Ломоносова – великого русского ученого-энциклопедиста. Рассказывая о своем детстве, он упоминает о том, как с отцом вместе выезжал на галиоте (напомним, что Василий Дорофеевич Ломоносов занимался рыбным промыслом): «...с великой да-

же охотой выезжал с батюшкой на галиоте его «Чайке» на рыбный промысел и в Белое, и в Ледовитое» (Авенариус В.П., с. 320);

– кафтан (заимств. в др.-рус. эпоху из тюрк. языков) – ‘старинная мужская долгополая верхняя одежда’: «В уважение моего рвения к наукам меня допустили обучаться славяно-греко-латинской мудрости, одели в сермяжный кафтан...» (Авенариус В.П., с. 320).

Заимствованные историзмы обычно употребляются В.П. Авенариусом в архаизированной стилистической дистрибуции. Лексема галиота – в сочетании с устаревшим русским словом батюшка, а имя существительное кафтан – с именем прилагательным сермяжный. Лексема батюшка употреблялась на Руси для выражения почтительного отношения к отцу. Данная коннотация с оттенком вежливости, усиливалась ещё и тем, что ею верующие называли также священника. Дополнительную историческую коннотацию историзмам в повести В.П. Авенариуса придают метафорические эпитеты. Так, метафорическую глубину [13, 2003] заимствованному историзму кафтан придает уже практически забытый эпитет сермяжный. Мало кто знает, что происходит он от др.-русского существительного сермяга (Домостр. К. 29, часто в XVI в.), обычного когда-то обозначения грубой ткани (ср.: укр. сермяга, белор. сермяга, польск. siermięga). Происхождение лексемы сермяга только на первый взгляд кажется незамысловатым. Однако специалисты утверждают, что своим возникновением она обязана вовсе не прилагательному серый. Согласно одной из версий, она была заимствована из мордовского сермяг. Изначально данная лексема обозначала грубое некрашеное сукно кустарной выделки. В XVI в. появился лексический вариант сермяжина – ‘белое, серое, смурое, бурое, черное крестьянское сукно, некрашеное’. Ср.: белорус: сермяжный кафтан – саматканая світка; укр.: каптан сірячини. Затем произошла первичная метонимизация слова по модели «материал → изделие». В результате появилось значение ‘верхняя крестьянская одежда из такого сукна’. Заметим, именно крестьянская: представители более состоятельных сословий её не носили. В обыденном сознании понятия «сермяга» и «крестьянин», казалось, были немыслимы друг без друга.

Не удивительно, что появился вторичный дериват-метоним, называющий крестьянина по его обыденной одежде: сермяжник, сермяжка – ‘мужик, крестьянин’; сермяжница – ‘мужичка’. Ср. в Словаре В.И. Даля: Был себе Ивашка серая сермяжка и пр. докучная сказка. С такой семантико-деривационной историей имя прилагательное сермяжный, уточняет смысловое содержание слова (кафтан). Дело в том, что кафтаны были разные; и носили их не только бедные крестьяне. От крестьянских выгодно отличались драгунские кафтаны. Драгуны были одеты в синий кафтан с такой же подкладкой и с обшивкой вокруг пол из красно-черного шерстяного галуна. Поэтому имя прилагательное сермяжный приобрело переносные значения: а) ‘простой; крестьянский, бедняцкий’ и б) ‘темный, необразованный’. В новом значении это прилагательное значительно расширило свою сочетаемость. Так, в романе Е. Ф. Богданова «Вьюга» оно служит определением к существительному войско: «И вел то сермяжное войско на столицу беглый холоп князя Телятевского Иван Болотников

(«Вьюга», 1972). От второго своего значения ‘простой’ данное имя прилагательное в сочетании с именем существительным правда обрело фразеологически связанное значение: сермяжная правда (шутл.) – ‘безыскусственная, идущая от самого существа чего-н.’. После столь широких смысловых преобразований прилагательное сермяжный стало употребляться в функции метафорического эпитета – «нехитрый, неприкрашенный, немудрящий, по-деревенски грубоватый». Затем смысловое содержание слова обогатилось концептами «откровенно неприглядный», «тёмный», «необразованный». Метафорическое значение имя прилагательное сермяжный приобрело через синонимизацию со словами крестьянский, бедняцкий, что привело к появлению у него в художественном дискурсе сочувственно-сострадательную коннотацию относительно крестьянской Руси. Ср.: Русь сермяжная, родимая, твои песни – лепота! (А. Ширяевец). В современном русском языке слово сермяжный употребляется в прямом значении, пожалуй, только в этимологическом сочетании с именем существительным кафтан; в сочетании же с другими словами – в метафорическом значении. Однако в повести В.П. Авенариуса словосочетание сермяжный кафтан воспринимается с дискурсивным подтекстом: употребляясь в функции знака прямой номинации, содержит дискурсивно обусловленную коннотацию. Ср.: В уважение моего рвения к наукам меня допустили обучаться славяно-греко-латинской мудрости, одели в сермяжный кафтан, а на пропитание, обувь, бумаги, все прочее положили в день...» (Авенариус В.П., с. 320). Данная фраза принадлежит персонажу повести – М.В. Ломоносову, который рассказывает о своем пути в науку Грише Самсонову. Руководство Славяно-греко-латинской академии, обнаружив у Ломоносова неукротимое стремление к науке, допустило его к обучению. В связи с этим ему действительно выдали сермяжный кафтан. Однако это словосочетание влечет за собой и дискурсивно-фондовый шлейф: одеть в сермяжный кафтан – ‘обеспечить [студента] нехитрым откровенно бедняцким, прожиточным содержанием’. В этом проявляется ещё одна идиостилевая черта языковой личности писателя: наложение на прямые значения заимствованных историзмов дискурсивно обусловленных коннотаций.

В вербально-семантическом «багаже» языковой личности В.П. Авенариуса скрытые импликации несут историзмы «двойного», опосредованного заимствования. Так, лексема сатисфакция была заимствована русским языком из латыни через польский язык: польск. *satysfakcja* < лат. *satisfactiō*). Означала она дуэль. В феодально-дворянском быту – ‘удовлетворение (даваемое оскорбленному в форме поединка, дуэли)’: «– Сатисфакцию дать мне раб, конечно, не может, – прошипел он сквозь зубы...» (Авенариус В.П., с. 292). Данная фраза становится понятной только через уяснение не только лексического значения историзма сатисфакция, но и его культурно-дискурсивной значимости: вызов драться на дуэли мог получить только равный по социальному статусу. В данном дискурсе заимствованный историзм, косвенно репрезентирующий концепт «дуэль», отражает дискурсивное событие, связанное с попыткой графа Линара без взаимного чувства поцеловать Лили, фрейлину Анны Леонидовны. Эта фривольность была грубо пресечена простолюдином Гришей Самсоновым.

Линар был в негодовании от того, что из-за разного социального положения дуэль с оскорбившим его честь крепостным состояться не может.

Как известно, автор исторического романа (или повести) создает вымышленный мир, опираясь на реальные исторические свидетельства. И для полноты картины писатель неизбежно вводит в ткань повествования историзмы – обязательный атрибут исторических романов, без которых невозможно передать особенности описываемой эпохи [10, с. 27-28]. Вместе с тем, писатель не ставит задачу реанимировать язык ушедшего времени. Он стремится создать культурно-историческую атмосферу воссоздаваемой эпохи [2, 2010]. Для достижения этой цели автор уходит от банального копирования языка воссоздаваемой эпохи. Им отбираются даже частично устаревшие слова, в которых старинными являются лишь отдельные ЛСВ. Поэтому такие заимствования, не затрудняя восприятие произведения современными носителями русского языка, всё же достаточно масштабно воссоздают исторический колорит эпохи.

Заимствованные историзмы в вербально-семантической репрезентации языковой личности персонажа. Особая роль устаревшей лексики в создании речевого портрета персонажа. Даже одна фраза в устах персонажа, содержащая устаревшую лексику, может дать представление о нём как о языковой личности [9, 2007]. Так, например, фраза, вложенная в уста Пьера Шувалова: «Чтобы вашим властным словом, как магическим жезлом, раскрылся «сезам», то есть государственная рентерея, и моей будущей спутнице жизни отсыпали полный мешок брэнного металла» (Авенариус В.П., с. 296) говорит о его великосветкости и именитости. Бросается в глаза типологическое многообразие употребляемых персонажами В.П. Авенариуса устаревших слов. Имя существительное рентерея (стар. от нем. *genterei*) – ‘старинное название казначейства’. Рентерея является одним из самых интересных зданий, памятником архитектуры в Тобольском кремле, хранилищем казны, надежно защищенным от пожаров и воровства толстыми каменными стенами и глубоким оврагом. В своё время оно выполняло сразу несколько функций.

Во-первых, оно являлось государственной казной, в которой хранилось не только золото и серебро, но ценные меха, которые стоили ничуть не меньше. Во-вторых, рентарея выполняла функцию городских ворот, так как построена была в очень удачном и защищенном месте. Рентереей оно названо по тогдашнему названию оброка, собираемого с крестьян – ренте. Слово рента (фр. *rente* от латин. *reddita* – отданная) имеет узуальное значение ‘регулярный доход в форме процентов, получаемый с имущества или земли’. Позже данное устаревшее заимствование стало употребляться в переносном значении – ‘местная сокровищница’. На метафорическое восприятие лексемы рентерея ориентирует весь метафорический дискурс, буквально нашпигованный В.П. Авенариусом художественными концептами [15, 1985]. Так, словосочетание магический жезл является носителем символического смысла, поскольку сам предмет – главное орудие ритуальной магии. Не случайно с древнейших времен магов и колдунов изображали с магическим жезлом в руке. Кстати, шарлатаны и эстрадные фокусники не расстаются с ним и по сей день, пуская пыль в

глаза легковой публике. Магический жезл – символ воли, власти и силы, посредством которых маг поддерживает свое влияние на ту сферу. Имя прилагательное властный выражает значение ‘способный повелевать’. В анализируемом тексте употребляется в переносном значении ‘способный подчинять, оказывая определенное магическое воздействие’. В устойчивом словосочетании бранный (презренный) металл оба слова имеют культурологический смысл: 1) бранный (устар., означает глину, бранный) – а) подверженный разрушению, тленный; смертный временный; б) временный, преходящий. Ср.: Сей бранный мир (о недолговечности человеческой жизни). Бранные останки – (мертвое тело). У бранного металла лишь один порок: он редко делает человека хорошим.

Проведенное исследование убеждает в том, что в художественном тексте «проблема автора» неотделима от языкового выражения, а образ автора – от «формы словесного построения» [3, с. 189].

Заключение. Проанализированный материал позволяет сделать следующие обобщения:

- принцип антропоцентризма, будучи методологической доминантой современной лингвопоэтики, позволяет интерпретировать языковую личность как креативного посредника отношений между языком и обозначаемой действительностью;

- обретение словом статуса историзма связано с тем, что оно, исчезая из живой речи, не утрачивает свою функционально значимость как средство исторической стилизации;

- заимствованные историзмы обычно употребляются в архаизированной стилистической дистрибуции;

- в наложении на прямые значения заимствованных историзмов дискурсивно обусловленных коннотаций проявляется важная идиостилевая черта языковой личности автора;

- ценностно-смысловая мотивированность [5, с. 72] употребления исторических заимствований проявляется в нескольких аспектах: а) в сознательном сужении или расширении лексических значений, б) в модификации ассоциативных полей и в) авторской интерпретации образов, традиционно присущих русской ментальности;

- выделяется два структурных типа заимствованных слов-историзмов: слова с неизменной и трансформирующейся семантикой; первую группу составляют заимствованные моносемичные слова, сохранившие в процессе заимствования свои лексические значения, вторую группу – слова, которые претерпели в своей семантике количественные или качественные преобразования;

- опираясь на реальные исторические свидетельства, автор исторического нарратива, не ставя задачу реанимировать язык ушедшего времени, с помощью заимствованных историзмов стремится создать культурно-исторический колорит воссоздаваемой эпохи.

Список литературы:

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002. 394 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта: Наука, 2010. 288 с.
3. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.
4. Едличка А.О пражской теории литературного языка // Пражский Лингвистический Круг. Сб. статей. М.: Прогресс, 1967. 372 с.
5. Казкенова А.К. Мотивированность заимствованного слова (на материале современного русского языка) // ВЯ. № 5. 2003. С. 72-81.
6. Караулов Ю.Н. Языковая личность // Русский язык: Энциклопедия. М., 1998. С. 671-672.
7. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 143-343.
8. Никитина С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. М., 1989. С. 34-40.
9. Наумов В.В. Лингвистическая идентификация личности. М.: КомКнига, 2007. 240 с.
10. Райнеке Ю.С. Исторический роман постмодернизма и традиции жанра (Великобритания, Германия, Австрия): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002. 155 с.
11. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М.: Наука, 1972. 186 с.
12. Kramsch, Claire. *Language and Culture*. Oxford, 2006. 144 p.
13. Lakoff, George, Johnson Mark. *Metaphors we live by* n. Chicago: The University of Chicago Press, 2003. 274 p.
14. Schiffer S., Steel S. (Eds.) *Cognition and representation*. Boulder (Colorado), 1988. 138 p.
15. Wierzbicka A. *Lexicography and conceptual analysis*. Ann Arbor, 1985. 368 p.

© 2015, Гиголаева А.Т.

Заимствованная устаревшая лексика как репрезентант языковой личности (на материале исторического нарратива В.П. Авенариуса)

© 2015, Gigolaeva A.T.

The borrowed outdated lexicon as a representant of the language personality (on material of a historical narrative of V.P. Avenarius)